

Все остальные давно привыкли к обстановке в доме, но трое новичков — Лян Эр, Чжан Саньэр и сам Ван Цзюнь — были поражены до глубины души!

Этот дворец действительно огромен и роскошен. Уже одного первого двора было достаточно, чтобы почувствовать себя ничтожным и устыдиться собственной бедности.

Даже не говоря о тонких изящных предметах, расставленных Вэнь Жунем, сам дом превосходил жилища многих землевладельцев, которых они видели, как минимум вдвое!

Полы были безупречно чистыми — настолько, что в них можно было увидеть своё отражение!

Чтобы построить такой дом, нужно не меньше нескольких сотен лянов серебра.

На самом деле, особняк Вэнь Жуня был продуман до мелочей, и его стоимость уже перевалила за тысячу лянов.

Но он рассуждал так: «Раз уж строить — так строить на века!» Поэтому тратил деньги щедро и без сожаления.

Когда они вошли, Вэнь Жунь пригласил гостей сесть на кан. Два младших брата тут же помогли старшему брату Ван Цзюню снять обувь. Увидев, что на его ногах надеты заплатанные носки, оба мальчика с трудом сдержали слёзы и одновременно повернулись к Вэнь Жуню:

— Гэфу...

— Я понял, — кивнул Вэнь Жунь.

В этот момент вошла жена Чэнь Цяна:

— Господин...

Ван Цзюнь широко распахнул глаза: эта женщина называет Вэнь Жуня «господином», а его брата — «гэфу» («старший зять»). Что за странное положение дел?!

Его спутники, будучи поумнее, молча опустили головы, быстро сняли обувь и устроились на тёплом кане, стараясь не привлекать внимания.

Снаружи этого не было заметно, но как только они зашли в дом и согрелись, от них начало нести довольно резким запахом.

Вэнь Жуню очень не хотелось делать глубокий вдох, но дышать-то всё равно надо было...

Сам Ван Цзюнь и его товарищи чувствовали себя крайне неловко — будто попали не в свой мир, будто здесь им не место.

— Это мой дом? — растерянно огляделся Ван Цзюнь.

Комната, которую Вэнь Жунь использовал как гостевую, была оформлена скромно: огромный кан, в оконных стойках вделаны фарфоровые вазы с сушёными цветами, от которых исходил лёгкий, ненавязчивый аромат.

На кане стоял краснодеревный столик на четырёх ножках, украшенных завитками растительного орнамента; на крышке — узор из облаков, символизирующих удачу. Всё выглядело просто, но со вкусом и благородно.

У изголовья кана стоял шкаф тоже из красного дерева, с ручками в виде плетёных колец из лианы.

Эти кольца делали так: свежесрубленную лиану, пока она ещё мягкая, загибали в кольцо, затем варили в тунговом масле. Если часто трогать такое кольцо руками, со временем на нём появляется красивая патина.

На северной стене комнаты было окно, закрытое хлопковой занавеской, а по обе стороны от него стояли большие шкафы для одежды.

На низком комоде рядом красовалась простая, но изящная подставка из дерева венге (цзичивэнь) с двусторонней вышивкой.

Но в глазах Ван Цзюня и его спутников эта комната казалась роскошнее любого дома землевладельца, которого они когда-либо видели!

Кан был так горяч, что от тепла, идущего от печной стены, даже лицо начало пекло!

В комнате было так жарко, что они не могли оставаться в верхней одежде и сняли овчинные тулупы.

Под ними обнаружилась армейская форма.

Вэнь Жунь с любопытством взглянул на неё: одежда была полупотрёпанная, но ещё крепкая, набитая хлопком, снаружи прострочена грубыми нитками.

На груди болталась круглая железная пластина — вероятно, нагрудное зеркало для защиты сердца. Рукава были плотно затянуты у запястий.

Вокруг талии обмотан ярко-алый пояс, а на ногах — настоящие армейские сапоги.

Армейская обувь сильно отличалась от крестьянской: она была простой формы, шилась быстро, толстая и тёплая — всё ради практичности.

Совсем не такая, как у Вэнь Жуня и его семьи.

Три ребёнка забрались на кан и устроились вокруг Ван Цзюня, несмотря на то, что от старшего брата немилосердно несло потом и грязью. Ведь это их родная кровь, самый близкий человек!

И сам Ван Цзюнь не мог отвести глаз от братьев и сестры — он даже ущипнул себя, боясь, что всё это лишь сон.

От боли он скривился, но... нет, это не сон!

Вэнь Жунь, наблюдая за его гримасой, невольно дернул губами. Совсем дурачок, что ли?

Они только-только уселись и даже не успели заговорить, как появилась тётушка Цуйхуа вместе с Чэнь Суй, неся с собой множество блюд.

Изначально на обед сегодня планировали просто: так как дети из школы ушли домой, жена Чэнь Цяна приготовила сытное блюдо — баранину с лапшой.

В этих краях баранину ели редко, но зимой, особенно в последний месяц года («лапуэ»), делали исключение.

Баранина в лапше подавалась не нарезанной ломтиками, а целым куском, туго перевязанным чистой рисовой соломой и долго томлёным до мягкости. В бульон не клали сахар, только соевый соус и специи — получалось что-то среднее между тушёным мясом и варёным, но всё же особенное.

«Дамянь» («большая лапша») — это просто огромная миска домашней лапши, тонко нарезанной вручную. В неё наливают немного бульона, посыпают зелёным луком и кладут тот самый большой кусок баранины. Вот так выглядело блюдо «баранина с лапшой» в ту эпоху и в том месте.

Это была еда для домашних, поэтому в одну большую миску лапши положили сразу два больших куска баранины!

Кроме дымящейся миски баранины с лапшой, на столе стояли ещё тарелка с салатом из тонко нарезанной белокочанной капусты и тарелка жареных свиных шкварок с солёной капустой.

Также подали маринованный чеснок и острый соус из говядины с перцем — идеальные закуски к обеду.

Вэнь Жунь не сел на кан, а устроился на стуле у пола. Увидев, что еду принесли, он сразу распорядился:

— Сначала ешьте. После еды уже приготовлена горячая вода — искупайтесь, переоденьтесь. Раз уж времени ещё достаточно, соберитесь с мыслями, а потом поговорим.

У Ван Цзюня в голове роились сотни вопросов, но перед лицом такой вкусной еды все слова застряли в горле — ни спросить, ни сказать ничего не получалось.

— Да, сначала ешьте досыта! Потом горячий душ, хорошенько расслабьтесь, а потом хоть лёжа на кане болтайте! — подхватила тётушка Цуйхуа. — Ешьте, пока горячее!

Животы у троих давно урчали.

В армии мясо давали только после победы. И то — лишь боевым частям, офицерам и управляющему персоналу. Простым солдатам редко удавалось отведать хоть каплю жира.

Да и как вообще готовили в армейской кухне?

Всё — и овощи, и мясо — мелко рубили и бросали в огромный котёл, заливали водой, добавляли соль — вот и вся еда.

Чаще всего варили белокочанную капусту: снимали только гнилые наружные листья, даже не мыли, сразу резали и кидали в котёл. Заливали водой, солили, варили ровно время, пока сгорит благовонная палочка — и можно разливать по мискам.

Жирок?

Если в целом котле оказывался кусочек мяса размером с ладонь — это уже считалось роскошью.

После победы добавляли ещё пять таких кусочков. Только после крупной победы в котле появлялось хоть немного больше мяса.

Ван Цзюнь дважды пробовал праздничную еду после крупных побед: в миске было поровну — половина мясных ломтиков, половина капусты.

Плюс большая миска неочищенного риса и полмиски старого вина.

Вот так армия награждала солдат за кровопролитные бои.

И то это было свинина, а здесь — баранина! Баранина!

Баранина гораздо дороже свинины, да и ели её редко. Только богатые семьи зимой, ради «укрепления здоровья», позволяли себе баранину.

— Ладно! — Ван Цзюнь первым схватил палочки, и двое его товарищей тут же последовали его примеру.

Трое ели шумно и жадно, а Вэнь Жунь с детьми — тихо и аккуратно... У всех были одинаковые миски, но Вэнь Жунь делил одну миску с маленькой Ван Мэй. Двум мальчикам хватало целой миски, а Вэнь Жуню столько было не съесть!

Он не осмеливался давать Ван Мэй слишком много: налил ей больше половины бульона, добавил щепотку лапши и один большой кусок баранины.

Когда все наелись и напились, троих отправили купаться.

Домашняя баня в их доме топилась раз в полмесяца — все мылись раз в две недели. А Вэнь Жунь купался каждые пять дней.

Это была самая чистоплотная семья во всей деревне!

Ван Цзюнь принял горячую ванну, и два младших брата даже помогли ему вымыться — терли спину. Двое других тоже мылись вместе и взаимно чесали друг другу спины.

Вода стала мутной, но купание доставило невероятное удовольствие.

Даже волосы на голове тщательно прочесали гребнем.

Все вши и гниды исчезли!

Теперь он был совершенно чистым — и телом, и душой.

Одежду тоже переделали с ног до головы: всё новое и чистое. Правда, по покрою напоминало одежду работников — просто наспех добавили немного вышивки, чтобы отличать от простых работников... Но всё же новое, не так ли?

Это были запасные одежды для работников.

Дома просто не нашлось ничего подходящего по размеру!

Но новая одежда — она и есть новая: носится с удовольствием.

Когда они привели себя в порядок, уже наступило время ужина.

Вэнь Жунь лично распорядился: «Готовьте получше — это же банкет в честь возвращения!»

Тётушка Цуйхуа, ещё с обеда, когда грела воду, начала готовиться к ужину.

Жаренный гусь, утка в соусе, цыплёнок «байчжаньцзи» (сваренный целиком и нарезанный).

Рыба в красном соусе, чесночное мясо — пять блюд, все мясные.

Бараний суп, белый рис и ещё два кувшина старого вина.

Такой ужин вполне заслуживал называться «пиршеством»!

— Сначала едим, — строго сказал Вэнь Жунь. — Как наемся и напьюсь, тогда и поговорим о делах.

— Хорошо, — Ван Цзюнь не возражал против распоряжений Вэнь Жуня.

Обычно за едой можно и поболтать, но Вэнь Жунь придерживался правила: «За едой не говори, перед сном не болтай» — и считал это очень полезным.

Ведь в эту эпоху не было больниц и операций. Что, если во время разговора за столом кусочек пищи случайно попадёт в дыхательное горло? Как быть?

Умрёшь от удушья?

Поэтому Вэнь Жунь за столом почти не разговаривал и не позволял другим шутить или смеяться.

Атмосфера стала ещё более сдержанной — все молча ели, опустив головы.

Но глядя на роскошную еду, на то, как тепло одеты и сыты его братья и сестра, как они учатся грамоте, Ван Цзюнь всё ещё чувствовал, будто находится во сне.

После его ухода они живут так хорошо?!

Если бы он знал, давно бы пошёл в армию!

После молчаливого ужина Вэнь Жунь велел поставить в комнате маленькую жаровню и вскипятить на ней большой чайник. Каждому подали по чайной чашке.

Неизвестно когда тётушка Цуйхуа успела приготовить угощения и принесла их: арахис, семечки подсолнуха, четырёхцветные слоёные конфеты, янчжоуские квадратные пирожные и пирожки из золотистых осенних цветков османтуса.

Честно говоря, она даже достала слоёные конфеты, заготовленные к Новому году!

Вэнь Жуню показалось, что этот чайный вечер получился особенно уютным и атмосферным.

Свечи, ароматный чай, сладости... и куча людей, которые все смотрят на него, уставились и ждут, когда он начнёт руководить беседой.

Вэнь Жунь слегка кашлянул:

— Кто хочет в уборную — бегите сейчас. Потом, как начнём разговор, надолго с кана уже не слезете!

И правда — как только он сказал, все тут же бросились в туалет.

А устройство туалета тоже произвело на них сильное впечатление.

Когда они вернулись, все уже были спокойны и готовы к долгой беседе. Все устроились на кане, и Лян Эр немного нерешительно произнёс:

— Может, я с Чжан Санем пойдём в соседнюю комнату?..

Ведь они всё-таки посторонние.

— Нет, оставайтесь, — махнул рукой Ван Цзюнь. — Вы для меня — братья, с которыми я прошёл сквозь смерть.

Люди, встретившиеся на поле боя, — все как один братья, прошедшие огонь и воду.

— Если бы не Лян Эр, прикрывший меня щитом от удара меча прямо на поле боя, я бы не

выжил, — сказал Ван Цзюнь. — А после боя, если бы Чжан Сань не дал мне те два кусочка мяса в соусе, я бы не дотянул до следующего приёма пищи и умер бы от голода.

Правда, та еда почти не содержала жира. Соль, конечно, не экономили — её поставляло правительство, и было её хоть отбавляй.

Но одного этого было мало.

Без мяса силы быстро иссякали.

Все были худыми как щепки. К счастью, позже в армию прибыл некий знатный человек и привёз с собой мясо — хоть немного жирка появилось в рационе.

Иначе он точно не выдержал бы.

— Ладно, раз вы не чужие, оставайтесь, — сказал Вэнь Жунь и на этот раз тоже снял обувь, устроившись вместе со всеми за кановым столом.

Кан здесь был огромный, и стол — тоже, за ним спокойно помещалось человек пятнадцать.

Все уселись. Маленькая Ван Мэй сама собой устроилась на коленях у Вэнь Жуня: грудь старшего брата слишком твёрдая, а объятия гэфу мягкие и уютные.

— Сначала я расскажу, что со мной случилось после ухода, — начал Ван Цзюнь. — Когда я уходил, очень переживал за вас и домашние дела. Пришлось просить соседа, дядюшку Яна, и его семью присматривать за вами, да ещё и семью старосты Чжана. Но полностью доверить вас кому-то не осмелился. К тому же известие пришло слишком поздно — времени на подготовку почти не осталось, и я ушёл в спешке, лишь кое-как всё устроив. В армии, будучи новобранцем, я попал в учебный лагерь на месяц. Тот месяц был сплошным избиением. Потом нас, новобранцев, повели на карательную операцию против бандитов. Вышло десять тысяч, вернулось семь. Остальные погибли.

Ван Цзюнь говорил спокойно, почти без эмоций, но Вэнь Жунь невольно затаил дыхание.

Треть личного состава погибла за одну операцию!

В его прошлой жизни в учебных лагерях тоже бывали случаи смерти, но не больше трёх-пяти человек. Если погибало больше десяти — это уже считалось крупной трагедией.

А здесь об этом говорят так, будто ничего особенного не случилось.

— После возвращения я был до того измотан, что еле ноги передвигал, — продолжал Ван Цзюнь. — Именно тогда я и познакомился с Лян Эрмом. Мы были в одном отряде, и из всего отряда выжили только мы двое. На самом деле тогда мы не были ранены — вся кровь на нас была чужая. Но санитары, убирающие поле боя, решили, что мы тяжело ранены, и унесли нас. На деле же мы просто выдохлись до потери сознания. Очнулись — а рядом ухаживает за нами Чжан Саньэр. Он раньше был старшим конюхом, но из-за нехватки персонала в тылу даже его привлекли помогать раненым!

— Когда Чжан Сань пришёл к нам в лазарет и понял, что мы не ранены, он сказал: «Лучше вам пока отдохнуть здесь. Вашей доли добычи хватит, чтобы как следует восстановиться». Так мы и остались в лазарете. Каждый день Чжан Сань навещал нас, приносил еду и питьё. Без него мы бы не оправились так быстро, — Ван Цзюнь был ещё совсем юн — ему не исполнилось и двадцати. После такого истощения, если бы их плохо выхаживали, в будущем могли возникнуть серьёзные проблемы со здоровьем.

— Да это же пустяки, — отмахнулся Чжан Сань. — Вы тогда выглядели такими юными... Если бы вас не выхаживали как следует, здоровье бы погубили. В следующий раз на поле боя не рвитесь вперёд всеми силами — оставляйте хотя бы треть энергии себе. Многие солдаты не знают этого: не берегут силы, калечат тело — а потом уже поздно сожалеть!

<http://bllate.org/book/15642/1398073>